

terns of prefixal way of terminological derivation are specified in the article. Also the translation of the derivatives into Russian language is suggested.

Keywords: *Japanese language, terminological prefixing, prefixal way of terminological derivation, legal terminology, translation into Russian.*

УДК: 81;378

У. Стрижак,

канд. пед. наук, доцент, зав. каф. японского языка ИИЯ МГПУ

ЯПОНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассматривается проблема формирования у студентов представлений о японской языковой картине мира, приводятся примеры решений переводческих задач из художественных произведений и проводится анализ некоторых лексических и грамматических принципов категоризации окружающей действительности.

Ключевые слова: *языковая картина мира, лексическая и грамматическая категоризация, переводческая задача.*

Понятие языковой картины мира как совокупности средств категоризации окружающей действительности рассматривается в рамках разных областей научного знания – от когнитивистики до психологии. Мы рассматриваем это понятие в контексте методики обучения японскому языку, а именно, на примере реализации теоретических положений данной проблемы в ходе чтения дисциплины «Языковая картина мира в предпереводческой перспективе» общим объемом 38 часов студентам 2 курса, обучающимся в языковом вузе по направлению «Лингвистика», специальность «Перевод и переводоведение».

Данная дисциплина была введена нами в учебный план данной специальности, т.к. мы считаем, что при переводе с языка на язык необходимо понимание того, как членится, категоризируется мир в языке перевода. Поэтому мы рассматриваем задачу дисциплины как формирование у студентов представлений о языковой картине мира в предпереводческой перспективе, а именно: обеспечение понимания ими принципов организации японской языковой действительности, основных черт японской языковой картины мира, что, в свою очередь, призвано обусловить верность перевода, потому что мы переводим не слова – мы переводим смыслы, которые стоят за словами. Известно, что некоторые исследователи говорят не о переводе с языка на язык, а о переводе с культуры на культуру. И в рамках такой парадигмы понимание принципов организации окружающей действительности в языке перевода представляется нам абсолютно необходимой.

В своих исследованиях мы уже обращались к данной проблеме, и нами были приняты попытки выделить наиболее характерные черты японской языковой картины мира, такие, как неподконтрольность, центростремительность, предсказательность и другие. Но в качестве лингвокультурологической доминанты японской языковой карти-

ны мира на сегодняшний день мы выделяем такое понятие, как склонность японского языка описывать состояние, результат действия, не делая акцент на наличии и поведении действующих лиц. Мы предполагаем, что данная доминанта отражает мышление японцев и во многом определяет их языковое поведение. Здесь следует заметить, что вопрос о том, определяется ли язык мышлением или мышление языком, до сих пор в науке остается открытым, является предметом различного рода лингвофилософских дискуссий еще со времен возникновения и становления понятия языковая картина мира в середине XIX века [Алпатов 2008; Радченко 2006 и др.]. В данной работе мы ограничимся лишь положением о том, что язык и мышление взаимно связаны, и понимание одного невозможно без понимания другого.

Итак, лингвокультурологическая доминанта, определяющая языковое поведение японцев – тяготение к описанию состояния, но не действия. В ее рамках мы и рассмотрим некоторые принципы и средства лексической и грамматической категоризации, присущие японскому языку.

Национально-специфические принципы лексической категоризации изучены гораздо более подробно и уже в достаточной степени описаны, больше в европейских, но в некоторых восточных языках. Касательно японского языка, в некоторых исследованиях уже предпринимались, например, попытки описать те фрагменты языковой картины мира, которые О.А. Корнилов называет «национально-специфической периферией» [Корнилов 2003, 47] – этноспецифические понятия, характерные для данной культуры. Т.М. Гуревич [Gurevich 2001, 156] писала о том, что для японского языка характерна повышенная дробность понятий, связанных с рыболовством или энтомологией, имеются также работы, связанные с описанием особенностей цветообозначения в японском языке и других характерных принципов лексической категоризации окружающей действительности [Стрижак 2009, 93]. Естественно, наибольшее число примеров, иллюстрирующих особенности национального мышления, можно встретить в области лексической семантики, где национально-специфические особенности языка проявляются с наибольшей очевидностью.

Но именно в силу изученности этих фрагментов японской языковой картины мира мы в данной работе остановимся прежде всего на анализе структурно более сложных и гораздо менее изученных фрагментов японской языковой картины мира, а именно – средств грамматической категоризации в японском языке.

Рассмотрим грамматическую категорию переходности и проанализируем ее не только с точки зрения языковой структуры, но и с точки зрения репрезентации в ней характерных черт японского мировоззрения.

Известно, что в японском языке выражения с непереходными глаголами указывают на результат произошедшего изменения вне зависимости от наличия действующего лица, которое совершает действие, при этом внимание не акцентируется на самом процессе, а только на его результате. В европейских языках мы наблюдаем, скорее, обратную картину – склонность делать акцент на действии. В трудах японских лингвистов Андо С., Каная Т. и др. [Андо 2007, 275 ; Каная 2009, 122] мы встречаем описание связанной с этим особенности японского мировоззрения – принятие окружающей действительности в существующем состоянии и отсутствии стремления изменить ее какими-либо активными действиями. В русском языке противопоставление переходных и непереходных

глаголов также имеет характер противопоставления описания состояния и активного действия. Но при этом в японском языке результаты количественного анализа показывают, что частотность употребления переходных глаголов значительно выше, и при переводе необходимо учитывать это свойство японского языка. На семинарских занятиях мы предлагаем студентам примеры решения подобных переводческих задач в текстах переводов русской и японской художественной литературы, в данном случае для анализа были взяты произведения А.П. Чехова «Чайка» и «Дядя Ваня», Кавабата Ясунари «Снежная страна» и Ёсимото Банана «Кухня».

お気持ちはありがたいと思う。

露：Ваша любовь трогает меня. [Чайка]

日：足の下の畳までが冷えてくる。

露：Татами начало холодит даже ноги. [Снежная страна]

日：今日はまだ、二つ三つ仕事がある。

露：Мне сегодня нужно еще кое-что сделать. [Дядя Ваня]

Из вышеприведенных примеров видно, что случаи употребления в русском языке переходных глаголов в переводе на японский язык заменены на варианты с использованием переходных. Объясняя особенности таких языковых явлений студентам, мы приучаем их задумываться над тем, что стоит за языковыми структурами, работать не только непосредственно с текстом, но и с затекстовым фоном высказывания.

Ниже мы рассмотрим в подобном сопоставительном аспекте еще одну грамматическую категорию – одушевленность.

Известно, что в японском языке неодушевленные предметы не могут выступать в качестве субъекта, оказывающего действие на объект. Первый из ниже приведенных примеров как раз и демонстрирует нам данную языковую норму японского языка: в переводе с русского на японский язык фокус одушевленности смещается с понятия *бизнес* на понятие *он*. Также мы видим, что и здесь наблюдается тенденция описания состояния, но не действия – ‘получилось так, что он стал богатым человеком’, и к тому же бизнес выступает не в качестве действующего лица, а в качестве вспомогательного средства.

Подобные примеры мы в большом количестве находим и в художественных текстах с соответствующими переводами на японский/русский языки. Второй пример из текста перевода на японский язык пьесы Чехова «Чайка»: в данном случае мы также находим перенос фокуса одушевленности с понятия *талант* на понятие *человек*. В других вариантах переводах, встречающихся в этом произведении, мы находим похожие случаи смещения фокуса одушевленности, например, выражение ‘гонимая яростью’ переводится на японский язык как ‘она подгоняет свою ярость’. Третий пример мы взяли из перевода современного российского художественного произведения В. Слипенчука «Смеющийся пупсик». В данном случае понятие *косички* как субъект сохраняет за собой статус действующего лица, несмотря на неодушевленность, но наблюдается снижение степени активности данного неодушевленного предмета, а именно: косички не *прыгнули*, а всего лишь *мешают*, что тоже, в свою очередь, свидетельствует о тенденции японского языка избегать описания активного действия.

日：ビジネスのおかげで、彼は金持ちになった。

露：Бизнес сделал его богатым человеком.

日：君は迷子になるし、われとわが才能で身を減ぼすことになる。

露：Вы заблудитесь, и Ваш талант Вас погубит. [Чайка]

日：三つ編にしたおさがが邪魔した。

露：Хвостики косичек выпрыгнули из-под косынки ей на лицо [Смеющийся пупсик].

日：その記憶の光る印象がわずかでも彼を救うといいと願う。

露：Я взмолилась, чтобы яркие впечатления при этом воспоминании хоть чуточку помогли ему спастись. [Кухня]

Очень показательным является четвертый пример. Мы видим, что в произведениях современных писателей (здесь «Кухня» Ёсimoto Банаана), неодушевленные предметы оказываются наделенными правом оказывать воздействие на одушевленный объект: 'воспоминания спасут его'. Результаты количественного анализа показывают, что в такого рода современных японских произведениях неодушевленные предметы более чем в половине случаев обладают функцией воздействия – 'коридор выгоняет', 'земля удерживает', а 'холод заполняет'.

Если проанализировать весь корпус собранных нами примеров, то видно, что в последнее время случаи наделения неодушевленных предметов функциями, которые ранее были свойственны лишь одушевленным, значительно участились. Если мы будем и в данном случае рассматривать категорию одушевленности не только как грамматическую, но и как мировоззренческую, то можно говорить о тенденции к изменению языковой нормы японского языка как следствие изменения мировосприятия японцами окружающей действительности. Исследователи отмечают, что, действительно, подобная смена мировоззренческой парадигмы в современном японском обществе происходит преимущественно в результате явного взаимовлияния иноязычных текстов и инокультурных сценариев на японскую жизнь.

Такой анализ языковых явлений с точки зрения имплицитно проявляющихся в них особенностей японского мировосприятия способствует воспитанию у студентов понимания языка на сверхструктурном уровне, формирования у них навыка перевода не слов, а стоящих за словами и выражениями смыслов или даже «миров». Еще в начале XX века Л.В. Щерба говорил о необходимости формирования у учащихся «привычки вдумываться в язык» [Щерба 2003, 103], и мы, вслед за ним, считаем, что данную дисциплину «Языковая картина мира в предпереводческой перспективе» можно рассматривать в качестве пропедевтического курса при переходе с начального на средний этап обучения иностранному языку.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 208 с. – (Studia philologica)
2. Андо С. Логика английского языка и логика японского языка. – Токио: Тайсюкан, 2007. – 309 с.
3. Каная Т. Разгадывая загадки японской грамматики. – Токио: Тикума, 2009. – 188 с.

4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольтианства. – М.: КомКнига, 2006. – 312 с. (История лингвофилософской мысли).
6. Стрижак У.П. Составление тезауруса как один из путей расширения словарно-исрогл. запаса учащихся // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2009. – № 1 (3). – С.90-94.
7. Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: общие вопросы методики. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 160 с.
8. Gurevich T. Similar features of national mentalities as a foundation for successful intercultural communication. International conference «Japan Phenomenon: views from Europe». – М., 2001. – P. 154-158.

U.Stryzhak, PhD, Associate professor,
Moscow City Teachers' Training University

JAPANESE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN THE PERSPECTIVE BEFORE TRANSLATION

The article deals with the problem related to the students' understanding of the basic features of the Japanese linguistic picture of the world. Based on the examples of the translation tasks from the various fiction texts the analysis of lexical and grammatical categorization has been provided.

Key words: linguistic picture of the world, lexical and grammatical categorization, translation task.

Шіманда Со

Львівський національний університет імені Івана Франка

応用言語学における翻訳の理論と実践 (Теорія і практика перекладу в прикладній лінгвістиці)

キーワード: 翻訳学、応用言語学、等価性、マクロ文脈、文脈の適合化

Метою даного дослідження є: 1) порівняльний аналіз різних концепцій перекладознавства, наприклад, «еквівалентність», «макроконтекст», «контекстуалізація» з точки зору прикладної лінгвістики, 2) перевірка теоретичної обґрунтованості цих понять відповідно до аналізу деяких конкретних випадків перекладу. По-перше, ми обговоримо різні визначення, позиції та оцінки теорії перекладознавства в області прикладної лінгвістики і міжкультурної комунікації. У той же час, деякі приклади з практики перекладу буде